

Вырезка из газеты СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от *2 ИЮН. 39 9

Москва

Газета №

АКТЕРЫ БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО

Актеры Большого драматического театра, наши ленинградские гости, не могут похвастаться на репертуар — две пьесы Горького и комедия Тирсо де Молина дают им эту возможность показать себя и свое мастерство. Актриса О. Г. Казико, например, предстала перед нами и в облике горьковского Юлии и в одеждах Доны Марты — разве эти две роли, столь различные по фактуре и жанру, не дают возможностей ей развернуть свое большое дарование в разных формах сценического мастерства?

Это же относится и к В. Я. Софронову, не играющему в комедии Тирсо, но зато с виртуозной легкостью перешедшему от злобных, тяжелых, грузных интонаций инженера Суслова к легким светлым, благодушным речам птичкина Перчихина. И облик, и внутренняя природа этих персонажей, их манера слушать, смотреть и даже дышать были настолько различны, что казалось порой, будто эти роли играют два разных актера.

Мне кажется, что именно в этом искусстве полного перевоплощения, без остатка, состоит особенность дарования Софронова, позволявшая ему сыграть и Ричарда третьего, и шута в «Лире», и Вартола в «Женитьбе Фигаро», и Кошкина в «Любовях Яровой», и Белогузова в «Доходном месте», и еще много образов мирового и советского репертуара, различных по актерским «амплуа». Этого термина сейчас уже нет, но внутри труппы и теперь отчетливо знают, кто кого может сыграть. Софронов в этом отношении у нас почти исключение — он и трагик, и герой, и любовник, и характерный, и резонер, и комик, и еще бог знает что.

Перчихина в «Мещанах» он играет исключительно тонко, проникновенно, Перчихин не только любит птиц, но у него самого «птичья» певучая, беззлобная, «невинная» душа, с благостью ощущающая мир, созданный для счастья людей, но уродуемый мещанами всех мастей. Софронов воплощает этот замысел так ярко и сильно, что когда он уходит из этого бессемейного дома, кажется, будто на сцене стало меньше света, воздуха, жизни, движения. И о такой же силой он воплощает другой, абсолютно противоположный, горьковский образ в «Дачниках». В его Суслове прорывается наружу такая страстная ненависть к новым людям и революционным идеям, что финальный конфликт между ним и Власом делается неизбежным. Софронов как бы копит внутри себя, в первых актах пьесы, эту злобу, и эту страсть, он играет своего инженера очень скупю, сосредоточенно, а бы сказал, молчаливо, и лишь в четвертом акте, как в душную летнюю ночь, несущую грозу, эта страсть вдруг мрачнеет и начинает сверкать прорезами молний.

Там переходит из вечера в вечер Софронов от лучшего тенета Перчихина к мраку и злобе Суслова, от любви к ненависти, оставаясь и там и здесь объективным художником-реалистом, не позволяющим себе что-либо смягчить или обострить из-за личных пристрастий. В. Софронов — подлинный актер Горького, его театра, его театральной поэтики.

*

Нельзя того же сказать об О. Г. Казико. Она играет Юлию в «Дачниках» превосходно, передавая и ее чувственную

природу, и женское «любопытство», толкающее ее к любовным похождениям, и ее тоску и неудовлетворенность жизнью и людьми. В ее глазах — жадность, в ее движениях — кошащая мягкость, в ее улыбке — и ирония, и призыв, и разочарование. Это все очень близко к образу Горького. Юлия — несомненная победа артистки.

Но вот она переходит к Марте — грациозной, умной и лукавой девушке театра Тирсо — и играет ее теми же приемами, в том же «ключе», что и Юлию, не замечая, или, вернее, не в силах воплотить всю противоположность этих женских образов. Она как бы не может уйти от самой себя, от своей артистической манеры. Она заменяет легкий поцелуй бурными объятиями, тонкое лукавство — грубым обманом, комедийную улыбку — буффонным смехом. И образ Марты ускользает от нее, вся грация, вся внутренняя прелесть, все обаяние его исчезают со сцены, хотя артистка прилагает все усилия его удержать.

Возможно, что Казико в этом случае лишь жертва режиссера Н. В. Петрова, принявшего ажурную комедию Тирсо за один из ранних фарсов Мольера. Но скорее всего — она сама охотно идет на этот подмен — ей легче в Марте играть ту же многоопытную Юлию, женщину, познавшую «добро и зло», чем ту сверкающую молодым задором девушку, которую изобразил Тирсо, как бы «в цвету», в борьбе за свою первую любовь.

*

Несколько слов о том, как играет Б. А. Бабочкин Власа в «Дачниках».

Как известно, Влас в этой пьесе — тот персонаж, который Горький противопоставил всем «дачникам» как олицетворение грядущей расправы с людьми, изменившими тому народу, из среды которого они вышли. Бабочкин играет его с исключительной яркостью и рельефностью, с предельной законченностью в жестах, интонациях, движениях, в кинении всех его сил, не находящихся до поры до времени выхода и применения. Он играет при этом не мысль, не идею, он играет только Власа, живого, милого, «порывистого» юношу, с острым профилем и презрительно сжатými губами, до этого Влас — горьковский о голыш до ног, и именно поэтому он весь в движениях мысли и толчка через него виден облик самого Горького. Роль сыграна блестяще, с верным ощущением горьковского слова и смысла всей пьесы.

Чувствуется, что в этом театре любят и понимают Горького. И не случайно его имя носит театр, так много бедствий и кораблекрушений испытывавший на своем двадцатилетнем пути и возрождающийся ныне к новой творческой жизни.

М. ЗАГОРСКИЙ

Юлия. 20-е драм. место
Марты. 20-е драм. место